

Российская академия наук
Институт восточных рукописей
(Азиатский Музей)

Адрес учредителя: 191186,
г. Санкт-Петербург,
Дворцовая наб., д. 18, лит. А
Адрес редакции: 191186,
г. Санкт-Петербург,
Дворцовая наб., д. 18, лит. А
Тел.: +7 (812) 315-87-28
<http://orientalstudies.ru>
mongolica@orientalstudies.ru
kulgan@inbox.ru
dnosov@mail.ru

Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
ПИ № ФС77-79202
от 22 сентября 2020 г.
Выдано Федеральной службой
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

MONGOLICA

Санкт-Петербургский журнал монголоведных исследований

Том XXV 2022 № 2

Выходит 4 раза в год

Издается с 1986 г.

Учредитель: ФГБУН

Институт восточных рукописей РАН

Редакционная коллегия:

И. В. Кульганек, *главный редактор,
доктор филологических наук (Россия)*
Д. А. Носов, *секретарь, кандидат филологических наук
(Россия)*
М. А. Козинцев, *помощник секретаря (Россия)*
Г. Билгуудэй, *доктор филологических наук (Монголия)*
А. Биргалан, *доктор наук (Венгрия)*
Р. М. Валеев, *доктор исторических наук (Россия)*
Л. С. Дампилова, *доктор филологических наук (Россия)*
И. В. Зайцев, *доктор исторических наук, профессор
РАН (Россия)*
Ж. Легран, *доктор наук, профессор (Франция)*
В. Капишовска, *доктор наук (Чехия)*
С. Л. Невелева, *доктор филологических наук (Россия)*
К. В. Орлова, *доктор исторических наук (Россия)*
М. П. Петрова, *кандидат филологических наук (Россия)*
Р. Поп, *доктор наук (Румыния)*
Т. Д. Скрынникова, *доктор исторических наук, про-
фессор (Россия)*
С. Чулуун, *академик МАН (Монголия)*
Е. Э. Хабунова, *доктор филологических наук (Россия)*
Н. Хишигт, *кандидат исторических наук (Монголия)*
Н. С. Яхонтова, *кандидат филологических наук (Россия)*

Оригинал-макет — М. В. Алексеева

Литературные редакторы и корректоры — Д. А. Носов, И. В. Кульганек

Технический редактор — М. А. Козинцев

Подписано в печать 10.06.2022. Вышло из печати: 14.06.2022.

Формат 60×90 1/8. Объем 12 печ. л. Заказ №

Отпечатано в типографии ООО «Свое издательство»,

Адрес типографии: 191040. Санкт-Петербург. Пушкинская ул., 4.

e-mail: editor@isvov.ru

ISSN 2311-5939

DOI 0.25882/v6pg-gd83

12+

© Институт восточных рукописей РАН
(Азиатский Музей), 2022

© Коллектив авторов, 2022

В НОМЕРЕ:

ФИЛОЛОГИЯ	5
А. С. Донгак. Исторические предания и легенды тувинцев и устные рассказы и представления западномонгольских народов об Амарсане и Чингунжаве	5
Т. Н. Паштакова. Алтайский эпос «Дьбаеар» в репертуаре алтайских и других тюрко-монгольских народов	15
ИСТОРИОГРАФИЯ. ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ	25
Б. Л. Митруев. Печати ойратских ханов.....	25
СМЕЖНЫЕ ДИСЦИПЛИНЫ	35
С. Л. Бурмистров. Эволюция понятия пустоты: от Палийского Канона к поздней мадхьямаке	35
ИЗ АРХИВОВ ВОСТОКОВЕДОВ	45
С. С. Сабрукова. Страницы истории отечественного монголоведения из воспоминаний Г. И. Михайлова (1909–1986) (<i>Продолжение</i>)	45
НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ	57
Т. Г. Басангова. Труды по калмыцкой фольклористике за 2021 год	57
Т. В. Ермакова. Конференция «Актуальные проблемы буддологических и индологических исследований-2» (Санкт-Петербург, 14 марта 2022 г.)	61
Ц. Саранцацрал. «Илья Репиний нэрэмжит дүрслэх урлагийн академийн дэг сургууль монголын дүрслэх урлагт» сэдэвт олон улсын эрдэм шинжилгээний хурал.....	66
IN MEMORIAM	68
Л. Б. Бадмаева. Памяти Учителя — Л. Д. Шагдаров (29.10.1930 г. — 13.03.2022 г.).....	68

С. С. Сабрукова

Институт восточных рукописей Российской академии наук

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО МОНГОЛОВЕДЕНИЯ ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ Г. И. МИХАЙЛОВА (1909–1986) (Продолжение)

Статья содержит продолжение издания мемуаров монголоведа XX в. Г. И. Михайлова о своих учителях и коллегах Б. Я. Владимирцове, Г. Е. Грумм-Гржимайло, А. В. Бурдукове, С. А. Козине, Н. Н. Поппе и Г. Н. Румянцеве. Мемуары находятся в личном фонде Н. П. Шастиной в Архиве востоковедов Института восточных рукописей РАН. Г. И. Михайлов определяет свои воспоминания как заметки об известных личностях русского востоковедения, в них описаны реалии жизни того времени, личный взгляд автора на разные события в жизни его «героев». Хронологически они охватывают более сорока лет, с 1926 по 1967 г. Текст мемуаров написан живым языком, интересно и увлекательно, с использованием формы речи — диалога.

Ключевые слова: Б. Я. Владимирцов, Г. Е. Грумм-Гржимайло, А. В. Бурдуков, С. А. Козин, Н. Н. Поппе, Г. Н. Румянцев.

Об авторе: Сабрукова Светлана Санджиевна, кандидат филологических наук, младший научный сотрудник, отдел рукописей и документов, Институт восточных рукописей РАН (Россия, 191186, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 18), ORCID 0000-0001-7983-4291 (ssabrukova@yandex.ru).

© ИВР РАН, 2022

© Сабрукова С. С., 2022

<34> Николай Николаевич Поппе¹

Если С.А. Козин имел в нашем институте некое подобие двойника (так нам казалось некоторое время), то Н. Н. Поппе обладал вполне оригинальной внешностью, спутать его с кем-нибудь было трудно. Он выделялся сравнительно высоким ростом и сухопаростью фигуры. Из-за сухопарости, быть может, он и казался более высоким, чем был на самом деле. Речь его была не совсем чистой, некоторые звуки он не мог произносить правильно. Говорил он всегда спокойно, никогда не повышал голос, казался невозмутимым.

Н. Н. Поппе был значительно моложе и Б. Я. Владимирцова², и Г. Е. Грумм-Гржимай-

ло³, и С. А. Козина⁴ и А. В. Бурдукова⁵. Видимо, даже В. А. Казакевич⁶ был старше его. При жизни Б. Я. Владимирцова Н. Н. Поппе играл скромную роль — он был одним из ряда помощников нашего выдающегося монголоведа, вел курс примерно такой же, как и В. А. Казакевич, например, или С. А. Козин. Да на многое перед лицом Бориса Яковлевича Н. Н. Поппе и не мог претендовать, если учесть, что в 1920-х годах, первый был уже маститым ученым с мировым именем, а последний пришел в науку всего несколько лет назад (в университет он поступал в 1914 году).

Вел себя Н. Н. Поппе скромно, знал только свои аудиторные занятия, от общественной

¹ Н. Н. Поппе (1897–1991) — известный ученый монголовед, алтаист, лингвист и фольклорист.

² Б. Я. Владимирцов (1884–1931), старше на 13 лет.

³ Г. Е. Грумм-Гржимайло (1860–1936), на 37 лет.

⁴ С. А. Козин (1879–1956), на 18 лет.

⁵ А. В. Бурдуков (1883–1943), на 14 лет.

⁶ В. А. Казакевич (1896–1937), на 1 год.

жизни института стоял в стороне. Да и в аудитории особой живости не обнаруживал, порой казалось, что его мало интересуют и занятия, и мы, студенты, особой четкости ответов от нас он не требовал.

Как относился к Н. Н. Поппе Борис Яковлевич, мне не совсем ясно. Будучи человеком дела, Борис Яковлевич ценил, конечно, его знания и способности, а на остальное мало, видимо, обращал внимания. Один раз мне показалось, что Б. Я. Владимирцов недоволен Н. Н. Поппе. Борис Яковлевич проводил на монгольском разряде что-то вроде распорядительных заседаний, на которых присутствовали все преподаватели — монголисты и я в качестве студента-выдвиженца. На одном из таких заседаний рассматривалось заявление Н. Н. Поппе, который, став профессором Ленинградского государственного университета, хотел, чтобы и наш институт оформил его надлежащим образом. Решение этого вопроса не заняло много времени, но мне показалось, что Борис Яковлевич чем-то недоволен.

— Не считает ли он, что Н. Н. Поппе рано быть профессором? — мелькнула у меня догадка.

Поделится своими соображениями с А. В. Бурдуковым.

<35> — Нет, просто Борис Яковлевич считает, что не Н. Н. Поппе следовало бы поднимать этот вопрос, — ответил мне Алексей Васильевич.

Теперь я отлично понимаю беспочвенность своей догадки. Конечно же, назначение Н. Н. Поппе на должность профессора Ленинградского университета не обошлось без участия Бориса Яковлевича, по этому поводу не могло у него возникнуть недовольство. Тем не менее недовольство было, настроение Бориса Яковлевича я подметил правильно, ошибся лишь в мотивах его.

Как относились к Н. Н. Поппе его другие коллеги? Алексей Васильевич считал его пакостником, имея, видимо, на то какие-то основания. Казалось мне, что и С. А. Козин разделяет мнение А. В. Бурдукова. Эрдэнэ Батхаан¹ возмущался по поводу того, что учебник,

¹ Батуханов Никита Федорович (1888–1942) — государственный деятель, бурят по национальности, вошел в историю бурятского и монгольского народов как Эрдэни Батухан (Эрдэнэ Батхаан). Окончил Ленинградский ин-

составленный им, Н. Н. Поппе пренебрежительно называл “разговорником”². О мнении В. А. Казакевича ничего не могу сказать, ибо он в силу обстоятельств вынужден был всегда и во всем соблюдать крайнюю осторожность.

Были, надо так полагать, и лица, которые к Н. Н. Поппе относились иначе, чем упомянутые выше.

После второй мировой войны различные лица также относились к Н. Н. Поппе различно. А. Гейсиг (и та группа востоковедов, к которой он принадлежит) сотрудничал с ним, отметил довольно широко его семидесятилетие. Американец Джеймс Боссон³ чуть ли не боготворит Н. Н. Поппе. Свою публикацию биографии Миларайбы⁴ он посвятил семидесятилетию Н. Н. Поппе, называет его учителем и другом. Рассказывал Джеймс Боссон трогательную историю о том, как несчастный Н. Н. Поппе после бегства из Советского Союза бедствовал в Берлине без денег. Его дела были бы совсем плохими, если бы немецкие ученые не собрали ему денег для поездки в Америку.

Наблюдалось и иное отношение к новоявленному американцу. Польский ученый М. Левицкий⁵, как передавал Г. Д. Санжеев⁶, не одо-

ститут истории, философии и лингвистики (1934 г.).

² Видимо здесь идет речь о Грамматике письменномонгольского языка. М.; Л.: Издательство АН СССР, 1937.

³ James Bosson (1933–2016), почетный профессор восточноазиатских языков и культур Калифорнийского университета в Беркли. В 50-е годы учился в Вашингтонском университете в аспирантуре по специальности языки и литературы стран Дальнего Востока под руководством Н. Н. Поппе.

⁴ Миларепа (тиб. *Rje-btsun mi-la-ras-pa*. 1052–1135) — учитель тибетского буддизма, знаменитый йог-практик, поэт.

⁵ Здесь, возможно, упоминается польский ученый-востоковед Тадеуш Левицкий (1906–1992).

⁶ Г. Д. Санжеев (1902–1982) — востоковед, специалист в области сравнительного изучения монгольских языков [Милицанд, 2008. Кн. 2. С. 304–305]. Н. Н. Поппе в своих мемуарах, изданных в 1983 г. написал о двух бурятских ученых, работавших в 1920-х годах в Ленинграде, затем в Москве: ученике Б. Я. Владимирцова Г. Д. Санжееве и ученике самого Поппе Т. А. Бертагаеве. Санжеев назван первым бурятским информантом, с которым работал Поппе; говорится и о том, что он входил в число авторов «Большого монгольско-русского словаря» (Поппе руководил его авторским коллективом). Но нет ни характеристики их научных работ, ни рассказа об их человеческих качествах, ни каких-либо эпизодов из их жизни [Алпатов, 1994. С. 45].

брюл образ действий Н. Н. Поппе. М. Левицкий исходил из того положения, что ученый не должен вмешиваться в политику. А Н. Н. Поппе вмешался в политику, грязную к тому же.

О. Латтимор¹ попросил И.Я. Златкина² статью из советского досье данные о Н. Н. Поппе. И. Я. Златкин такие данные ему послал. В досье сказано, что Н. Н. Поппе считается военным преступником, поскольку служил у оккупантов сначала переводчиком, потом инструктором, а к концу его карьеры на нашей территории был назначен заведующим каким-то отделом.

Наше же отношение к предателям известно.

<36> Умер Борис Яковлевич, Н. Н. Поппе занял место ведущего монголоведа. Он пытался быть столь же универсальным, как Б. Я. Владимирцов, но данных для этого у него не было. Ему следовало бы сосредоточить свое внимание на лингвистике, а он брался и за литературоведение, и за фольклористику. В этом был один из главных его просчетов, ибо как в области фольклористики, так и в области литературоведения успехи его были совсем незначительные.

Тем не менее, заняв место Б. Я. Владимирцова, Н. Н. Поппе быстро пошел в гору. В это время очевиднее стало его безразличное отношение к учебному процессу, больше всего он был занят своей карьерой. И в этом смысле он многого добился, а качество преподавания в целом по монгольскому разряду заметно ухудшилось. Я не знаю ни одного воспитанника нашего института, который под руководством Н. Н. Поппе достиг при изучении языка больших успехов. Правда, на ход учебного процесса оказывали отрицательное влияние и бесконечные реорганизации, которые проводились в институте в 30-х гг.

И все же в институте с Н. Н. Поппе носились, считая его чуть ли не беспартийным большевиком (был в то время такой термин). Впрочем, нас несколько охладил на сей счет

один товарищ, приехавший в институт по каким-то делам из Москвы. Чем он руководствовался, мы не знали, но, как показали последующие события, он оказался провидцем.

У меня, как мне тогда казалось, отношения с Н. Н. Поппе были нормальными, он никакого недружелюбия не показывал, и я ничего плохого за ним не замечал, хотя А. В. Бурдуков и предостерегал меня после одного из заседаний Монголоведческой ассоциации (функционировала тогда такая организация при Институте востоковедения АН СССР)³. В тот раз один из докладчиков выступил с рекомендациями относительно того, как правильно писать по-монгольски заимствованные монголами слова. Участники заседания стали всерьез обсуждать умозрительные концепции докладчика, а я предложил прекратить обсуждение и вернуться к этому вопросу после того, как докладчик исследует фактический материал самым тщательным образом. Монголоведы согласились со мной. И Н. Н. Поппе, уловив настроение аудитории, снял этот вопрос с повестки дня.

— Смотрите, Вы показали им свои зубы, — предостерегал меня Алексей Васильевич после моего этого выступления.

В 1935 г. я уехал на Халхин-гол⁴ и до 1938 г. находился далеко от науки. Возвратился домой

³ В 1933 г. при Монгольском кабинете ИВ АН создается Ассоциация монголоведения, задачей которой было сплочение всех монголоведческих сил страны. Осуществлялась подготовка к публикации письменных источников по истории монгольских народов, включая летопись «Шара-туджи» (В. А. Казакевич). Одним из основных направлений работы Института востоковедения в целом стало составление словарей, и в 1935 г. началась работа по составлению большого академического монгольско-русского словаря [Попова, 2021: <https://historyrussia.org/sobytiya/mnogoletnie-traditsii-bogatejshij-opyt-sankt-peterburgskaya-shkola-klassicheskogo-mongolovedeniya.html>].

⁴ С 1935 г. просоветский режим Монголии конфликтовал с манчжурским прояпонским режимом из-за небольшого пограничного участка в районе реки Халхин-гол. Оба государственных образования, возникшие на территории бывшей империи Цинь, имели нечеткие границы. По одним картам, граница проходила по реке, по другим, — восточнее. 12 марта 1936 г. был подписан советско-монгольский договор взаимопомощи, в соответствии с которым в МНР были размещены советские войска — 57-й Особый корпус.

¹ Оуэн Латтимор (Owen Lattimore, 1900–1989) — американский востоковед, журналист, государственный деятель.

² И. Я. Златкин (1898–1990) — востоковед, историк [Милицанд, 2008. Кн. 1. С. 531–532].

с твердым намерением продолжать работу в Ленинградском восточном институте. Однако по приезде в Ленинград <37> узнал, что наш институт сливают с Московским Институтом востоковедения. Относительно того, где будет объединенный институт, у меня не было никаких сомнений. Направился в Институт востоковедения АН СССР, чтобы повидать друзей и поговорить с Н. Н. Поппе. В монгольском кабинете поговорить толком не удалось, Н. Н. Поппе пригласил навестить его дома.

Вечером отправился на Лермонтовский проспект, где Н. Н. Поппе жил в доме, который прежде принадлежал его отцу, крупному царскому чиновнику (другой дом Поппе старшего находился на Вознесенском проспекте). Меня провели в кабинет главы семьи. Там было холодно и сыро, работать в таком помещении было бы очень трудно, если бы рефлектор не согревал и не просушивал воздух.

Я обратил внимание Н. Н. Поппе на то, что их лестница лишена перил, пользоваться ею опасно. Он согласился, заметив при этом, что добиться у домоуправления ремонта чрезвычайно трудно, проявляет оно активность только под сильным нажимом.

— Когда мои просьбы не удовлетворяют, я не вношу квартплату, таким способом достигаю цели, — закончил он разговор на эту тему.

Затем я познакомил моего собеседника с монгольскими новостями, а он проинформировал меня о том, что делается в академической сфере. Во время беседы Н. Н. Поппе извлек из кипы книг свою грамматику и подарил мне со своим автографом. Заметив, что он работает над переизданием словаря К. Ф. Голстунского¹, я спросил:

— Николай Николаевич, а можно мне получить один экземпляр?

— Конечно, оставьте свой адрес, и мы пошлем через НКВД (т. е. Народный комиссариат иностранных дел).

— Почему же через НКВД, — подумал я, хотя заявление Н. Н. Поппе было все же обнадеживающим.

¹ К. Ф. Голстунский (1831–1899), монголовед, ойрато-вед. Монгольско-русский словарь, составленный профессором С.-Петербургского университета К. Ф. Голстунским. Т. 1–3. СПб.: Литография А. Иконникова, 1893–1895.

Я уже собрался уходить, но меня пригласили к столу. Здесь я снова завел разговор о словаре.

— Я же Вам сказал: оставьте свой адрес, и мы вышлем через НКВД, — повторил он свое заявление, как мне показалось, с некоторым раздражением.

— А почему через НКВД, Николай Николаевич? Я вернулся домой и никуда не собираюсь уезжать, — объяснил я ему свое положение.

Другой на его месте поинтересовался бы, хотя бы для приличия, чем же я намерен заниматься, но Н. Н. Поппе замял как-то наш разговор. Поговорив еще о всякой всячине, мы расстались.

<38> На другой день я навестил Алексея Васильевича Бурдукова. Рассказал ему о беседе с Н. Н. Поппе.

— Пошлем хоть через НКВД, хоть через НКВД, только убирайся куда-нибудь подальше, — так надо понимать заявление Н. Н. Поппе? — спросил я Алексея Васильевича.

— Именно так, — заверил меня А. В. Бурдуков.

Убедившись, что дверь в науку для меня пока закрыта, стал работать в Издательстве литературы на иностранных языках. А в октябре 1941 г. пошел в ополчение, сменив перо на шпагу (правда, шпагу мне не дали, а коровинский пистолет² получил). Связи мои с тылом были весьма ограниченными, но все же каким-то непонятным путем я узнал, что Н. Н. Поппе остался в Элисте и стал сотрудничать с оккупантами.

Под влиянием каких обстоятельств он остался в Элисте? Некоторые утверждают, что сделал он это по доброй воле, по доброй воле стал сотрудничать с фашистами, призывал и других к тому же.

— «Николай Николаевич, Вы же советский ученый, как же Вы можете так поступать», — говорили ему.

— Я немец, Россия проиграла войну, поэтому я сотрудничаю с немцами, — отвечал он тем, кто пытался урезонить его.

Другие утверждают, что Н. Н. Поппе собирался эвакуироваться, но сделать это ему не уда-

² Первый советский серийный самозарядный пистолет, созданный в 1926 г. оружейником-конструктором С. А. Коровиным.

лось. Возможно, так оно и было на самом деле, но с немцами-то он сотрудничал, по-видимому, по доброй воле и старательно, о чем свидетельствует его быстрое продвижение по службе.

Вспоминается один очень любопытный с этой точки зрения разговор. Когда Гитлер начинал свою деятельность, он много говорил о благородной арийской расе. У нас такие его рассуждения вызывали тогда улыбку.

— Николай Николаевич, а я ариец?

— Как Вам сказать, славяне не считаются настоящими арийцами, — последовал ответ.

— А Вы ариец?

— И я, собственно, не чистый ариец, моя бабушка была славянкой, — закончил наш разговор Н. Н. Поппе.

Узнав о деятельности Н. Н. Поппе в Элисте, я понял, что бабушка-славянка не помешала его карьере у оккупантов, он все же оказался в ряду чистых арийцев. Покидая Калмыкию, оккупанты позаботились и о своем верном прислужнике, захватив его с собой.

Ю. Н. Рерих¹ рассказывал, что в Соединенных Штатах Америки многие не могли простить Н. Н. Поппе его марксистское, с их точки зрения, прошлое. <39> Разговоры о марксизме Н. Н. Поппе людям, хорошо знающим его и его труды, представляются невероятным недоразумением. По-видимому, американцы имеют очень смутное представление о марксизме. В действительности Н. Н. Поппе, как свидетельствуют его труды и наши беседы, никогда не был марксистом. Я отнес бы его к разряду конъюнктурщиков и приспособленцев. В Советском Союзе он приспособлялся к марксизму, а в США — к маккартистам [маккартизму]². Н. Н. Поппе всегда умел держать нос по ветру.

Как-то я спросил его:

— Николай Николаевич, чем Вы сейчас занимаетесь?

— Видите ли сейчас большое внимание уделяется синтаксису, необходимо заниматься разработкой этих проблем.

Верно, марристы³ тогда проблемы синтаксиса ставили во главу угла. Позже они говорили, что фонетика — технология морфологии, морфология — технология синтаксиса, а в синтаксисе вся сила. Один из них составил грамматику, которая начиналась разделом о синтаксисе и кончалась фонетикой. Подобное трюкачество выдавалось за новое слово в науке, за достижение сторонников «нового учения о языке».

По инициативе Н. Н. Поппе был зарезан сборник произведений старой монгольской литературы. Мотивировалась необходимость такой акции тем, что в сборнике представлены произведения феодальной литературы, проповедующие чуждую народу идеологию. Труд составителей и наборщика с необычайной легкостью был перечеркнут перестраховщиком. Наборщик, правда, один экземпляр корректуры сохранил, перечитывая время от времени неудобные Н. Н. Поппе произведения сборника.

А как нам не хватало материалов по истории старой монгольской литературы! Мы до сих пор сожалели бы о загубленном Н. Н. Поппе сборнике, если Ц. Дамдинсурэн не издал свои «Сто образцов»⁴.

Задумали в Ленинграде одно хорошее дело — переиздание словаря К. Ф. Голстунского. Возглавил его Н. Н. Поппе. Здравый смысл подсказывал, что переиздавать словарь нужно в неизменном или в несколько расширенном виде. Так рассуждал, например, А. В. Бурдуков:

— Руднев⁵ составил дополнения к словарю Голстунского, нам нужно продолжить его дело.

³ Сам его создатель, Николай Марр, называл его «новым учением об языке», псевдонаучная теория происхождения, развития и «классовой сущности» языка.

⁴ *С. Дамдинсүрэн. Mongyol uran jokiyal-un degeji jayun bilig orosibai // Corpus Scriptorum Mongolorum. T. XIV. Улаанбаатар, MCMLIX (1959).*

⁵ Андрей Дмитриевич Руднев (1878–1958) — монголовец, специалист в области лингвистики. Монгольско-русский словарь, составленный профессором С.-Петербургского университета К.Ф. Голстунским. Том первый. СПб., 1895; Том второй. СПб., 1894; Том третий. СПб., 1893; Дополнения: СПб., 1896; Посмертные добавления / По запискам покойного профессора составил А.Д. Руднев. СПб., 1901.

¹ Юрий Николаевич Рерих (1902–1960) — востоковед, лингвист, искусствовед, этнограф, путешественник, специалист по языку и культуре Тибета [Милицанд, 2008. Кн. 2. С. 243–247].

² McCarthyism, американское политическое течение, направленное против левых и либеральных деятелей и организаций в США.

Н. Н. Поппе же избрал другой путь и стал вычеркивать многие слова, совершенно необходимые в словаре старого письменного языка.

— Николай Николаевич, — спросил я его, — правда, что Вы вычеркиваете какие-то слова из словаря Голстунского?

— Да, я убираю слова, связанные с ламаизмом, убираю слова, которые <40> точно Голстунским не объяснены. Например, он дает слово и поясняет: «название какой-то травы» или «название какого-то камня».

Я попытался убедить его, что и слова, связанные с ламаистским культом, и недостаточно точные объяснения некоторых слов представляют для нас интерес. Однако Н. Н. Поппе остался при своем мнении. Так появилось ухудшенное издание хорошего словаря. И в данном случае Н. Н. Поппе предстал перед нами конъюнктурщиком и перестраховщиком.

Идейные позиции Н. Н. Поппе могут характеризовать и некоторые из его трудов. Ему принадлежит публикация халх-монгольского былинного эпоса и исследование его. Из высказываний автора публикации явствует, что в монгольских былинах, творениях народного гения, он усмотрел феодальную идеологию, какие-то мотивы, не соответствующие мировоззрению современного арата, хотя записывал он эти произведения у современных аратов.

При анализе же былин Н. Н. Поппе ограничивается внешними параллелями, поверхностными сравнениями произведений былинного эпоса с историческими произведениями, обнаруживая тем самым полное непонимание специфики былин и народного устного поэтического творчества вообще. Все его исследование проникнуто духом вульгарного социологизирования¹. Он явно шел на поводу у нигилистически настроенных лиц и перестраховщиков.

Говорят, «коготок увяз, всей птичке пропасть». Эта поговорка имеет глубокий смысл, невольно вспоминаешь ее, когда обращаешься к истории Н. Н. Поппе. Начав свое нечестное

¹ Социологизация — перенос принципов общественной классификации на объект изучения. ...Под общественной классификацией здесь подразумевается то, что на объект изучения переносятся принципы некоего общества или общественной системы.

дело, он уже не мог остановиться. Ему в новых условиях необходимо было отмежеваться от своего прошлого («марксистского», как считали в Америке) и доказать свою благонадежность. И он старался в меру своих сил, прибегая частенько к недозволенным для ученого приемам. Нам известны несколько случаев самого настоящего шельмования советских ученых, о чем безусловно следует поговорить.

Рецензируя одну из работ Г. Д. Санжеева, Н. Н. Поппе допустил передержку. Она была настолько очевидной, что можно было бы оставить ее без внимания. Но она очевидна нашим ученым, а в Европе и Америке мало знают работы советских востоковедов и легко могли поверить рецензенту. Пришлось Г. Д. Санжееву писать протест. Не помню, был ли этот ответ опубликован в Америке.

В одной из своих работ, относящейся к 1952 г., я писал о влиянии Сагансэцэна² и Лувсанданзаана³ на творчество современных монгольских писателей. Н. Н. Поппе поставил мне в вину, что я не указал при этом «Сокровенное сказание монголов». Создавалось такое впечатление, будто <41> я не знаю этот очень хорошо известный всем монголистам памятник. Но ведь «Сокровенное сказание монголов» стало доступным монгольским писателям только в 1947 г., когда Ц. Дамдинсурэн⁴ опубликовал свой перевод текста этого памятника на современный монгольский язык⁵.

Значит и в данном случае Н. Н. Поппе преследовал цели, далекие от науки, ибо я не допускаю мысли, что он не знал эти обстоятельства.

Ему же принадлежит версия о том, что С. Д. Дылыков⁶ был агентом НКВД. И эта версия, видимо, получила довольно широкое распространение, ибо один из учеников Н. Н. Поппе

² Саган Сэцэн (1604–?) — монгольский летописец, владетельный князь в Ордосе [Пучковский, 1953. С. 143–144].

³ Лубсан Данзан — ученый лама, монгольский летописец XVII в.

⁴ Ц. Дамдинсурэн (1908–1986) — монгольский ученый, действительный член АН МНР, поэт, писатель.

⁵ Дамдинсурэн. *Mongyol-un niuča tobčiyān* (монг.). Ulaanbaᠭatur, 1947.

⁶ Санже Данцикович Дылыков (1912–1999), историк Монголии. Преподаватель ЛВИ (1932–1934) [Милицанд, 2008. Кн. 1. С. 452–453].

пе выступил с изложением ее в печати (в статье его речь шла о советских монголоведах).

Однажды Н. Н. Поппе выступил с сообщением о том, что в Советском Союзе уничтожены ламаистские храмы. Это сообщение получило большой резонанс в странах, население которых исповедуют буддизм. Нашим ученым пришлось немало потрудиться, чтобы как-то сгладить впечатление, произведенное выступлением Н. Н. Поппе.

Ц. Дамдинсурэну довелось побывать в Японии, встречался он с тамошними студентами, которые рассказали монгольскому писателю, что к ним приезжал Н. Н. Поппе, читал лекции, вызвавшие протест аудитории.

— Почему он нас считает антисоветчиками? — спрашивали японские студенты Ц. Дамдинсурэна.

Рассказ Ц. Дамдинсурэна показывает, что не все выступления Н. Н. Поппе достигают цели, но отдельные неудачи его, видимо не обескураживают, он продолжает гнуть свою линию.

Надо полагать, что приведенными выше фактами дело не ограничивается, имели место, конечно, и другие выступления Н. Н. Поппе, о которых мы пока ничего не знаем.

Мы ничего не узнали бы о столкновении Н. Н. Поппе с О. Латтимором¹, если бы последний не попросил И. Я. Златкина добыть материалы советского досье, касающиеся Н. Н. Поппе. Выяснилось, что комиссия по расследованию антиамериканской деятельности привлекла к ответу О. Латтимора, а Н. Н. Поппе давал удобные комиссии показания.

Нет сомнений, Н. Н. Поппе в новом положении приходилось изворачиваться, чтобы заслужить доверие и расположение американцев. Но как он ни старался, а всем угодить никак не мог, выше уже говорилось, что многие не хотели простить ему его так называемое марксистское прошлое. Столкнулся он и с сильным противодействием О. Латтимора, на стороне которого, в чем можно не сомневаться, находились все порядочные люди. <42> Известно также отношении честных людей к предателям.

¹ Оуэн Латтимор (1900–1989) — американский ученый-китаевед, педагог.

Американцы знают, конечно, английскую поговорку: «моя родина, права она или нет». Предатель не может рассчитывать на абсолютное доверие порядочных людей. Изменивший один раз, рассуждают они, способен изменить и еще раз.

Н. Н. Поппе официальные американские круги предоставили убежище, дали работу, но однажды он чуть не оказался на мели. Дошли до нас как-то сведения, что Н. Н. Поппе грозит отставка. Он уже согласился работать в качестве преподавателя русского языка одной из канадских школ. Отставка, однако же, не состоялась, и Н. Н. Поппе остался на прежнем месте, при прежних занятиях, будет продолжать и свою антисоветскую деятельность.

<43> «Ушел Георгий Никитич² друг однокашник подлинный ученый чудесный человек скорблю с коллективом вдовой».

Такую телеграмму пришлось мне отправить в Улан-Удэ 2 декабря 1966 г. В этот день нам выдавали зарплату. Произошла небольшая задержка. Решил почитать скверную диссертацию (докторскую) М. П. Хамаганова³ о бурятской фольклористике.

Когда пришел в отдел свой, увидел пригрюнившуюся Н. П. Шастину⁴. Дала мне телеграмму из Улан-Удэ, адресованную Г. Д. Санжееву, С. Д. Дылыкову, ей и мне. Сообщалось, что 1 декабря скончался Г. Н. Румянцев. Грустно стало: уходят один за другим мои однокашники, а Георгий Никитич был самым близким. Еще совсем недавно он спорил со мной о времени возникновения шаманизма у монголов, спорил горячо. Ничто тогда не предвещало скорой кончины его. Человек, можно сказать, был в полной форме.

² «Г. Н. Румянцев (1903–1966) — ученый-востоковед» — так называется книга, посвященная 100-летию со дня его рождения, где авторы (Ш. Б. Чимитдоржиев и В. Ц. Лыскова) представили в виде кратких очерков описание жизненного пути, научной и научно-организационной деятельности исследователя, внесшего большой вклад в развитие бурятской науки. [Чимитдоржиев, Лыскова, 2003. С. 4].

³ Михаил Петрович Хамаганов (1914–1999) — бурятский ученый-филолог, литературовед.

⁴ Нина Павловна Шастина (1898–1980) — монголовед, историк истории МНР, востоковедения в России [Милицанд, 2008. Кн. 2. С. 648–649].

Летом же 1966 г. его трудно было узнать. Прибыв в Москву, он позвонил мне, жаловался, что трудно быть администратором, хотя очень много лет занимался административной деятельностью и никогда не тяготился такого рода обязанностями. Мне казалось, что эта работа ему и по плечу, и по душе.

Через несколько дней встретились в Институте народов Азии АН СССР. Георгий Никитич жаловался на непроходимость в пищеводе, несколько посерел, но признаков отощания [худобы] не было видно. Вероятно, так казалось потому, что он всегда был худощавым. Познакомил меня Г. Н. Румянцев со своей женой. Она чувствовала недоброе, переживала.

Друзья и сослуживцы проявили большую заботу о человеке, привезли его в Академию медицинских наук. В одной лечебнице собирались его лечить облучением, но вскоре отказались. В другой собирались оперировать, однако тоже долго не задерживали, заявив, что ни операции, ни облучения ему не нужно, можно лечиться медикаментами. <44> Поверил ли Георгий Никитич врачам, не знаю. Для меня же было ясно, что дни его сочтены, раз врачи отказываются лечить.

Словом, конец был близок, но все же телеграмма из Улан-Удэ нас поразила. Погоревали мы с Н. П. Шастиной и разошлись. Добравшись до дома, отправил телеграмму, воспроизведенную выше.

Мы с Георгием Никитичем съели вместе пуд соли, пока сидели на студенческой скамье в Ленинградском восточном институте. Правда, перед окончанием института его перевели в ЛИФЛИ¹. Перевели его в другой институт из-за того, что Ленинградский восточный институт решил сделать коммунистическим, а Г. Н. Румянцев был беспартийным.

Он был старше многих из нас. Мы все в 1926 г. только приступали к высшему образо-

ванию, а Георгий Никитич до этого учился в Институте гражданских инженеров. В Восточном институте он учился не лучше и не хуже многих из нас.

Однажды с Георгием Никитичем стряслась беда: его лишили стипендии. Поинтересовался я у соответствующих людей, чем вызвана такая мера.

— Он сектант, — ответили мне.

Я Г. Н. Румянцева хорошо знал, ничего такого за ним не замечал. У него были, конечно, свои недостатки. Как и многие из нас он слегка ленился, мог явиться на занятия без подготовки, часто опаздывал на утренние занятия. Попытался разубедить некоторых людей из общественных организаций. Мои ли уговоры подействовали или были и другие ходатайства, но справедливость была восстановлена.

Окончив ЛИФЛИ, Георгий Никитич оказался без работы. Бальджит Иванова, его жена, не ждала, пока ей предложат какую-нибудь работу, а сама побеспокоилась о трудоустройстве. Мой отчим работал директором фабрики дорожных вещей. Бальджит это знала и однажды <45> попросила поговорить, не нужны ли фабрике люди. Переговоры мои состоялись, Бальджит назначили экономистом.

Георгий Никитич не хотел работать где-нибудь, искал упорно работу по специальности, перебиваясь кое-как.

— «На что тебе твое монголоведение, найди другую работу», — говорила ему Бальджит.

Георгий Никитич оставался непреклонным, сохраняя верность монголоведению. Некоторое время он работал по договору в библиотеке Ленинградского государственного университета [1931–1935], на таких же основаниях работал и в некоторых других местах.

В Ленинградском восточном институте стали создавать кабинеты. Каждому из них предоставили по две единице. Заведующим назначили меня, поручив подобрать и лаборанта. Человек, ведавший кабинетами в общеинститутском масштабе, предложил зачислить на эту должность А. В. Бурдукова.

— Лучше иметь человека без большой потенции, но трудолюбивого, чем с потенцией, но не очень старательного.

¹ Историко-филолософско-лингвистический институт (ЛИФЛИ), создан в 1930–1931 гг. как историко-лингвистический институт (ЛИЛИ) в результате выделения историко-лингвистического факультета Ленинградского университета; при организации в нем философского отделения (1933) переименован в ЛИФЛИ. Помещался на Университетской набережной, 11.

Я все же остановил свой выбор на Г. Н. Румянцеве. Видимо, кто-то старался скомпрометировать моего друга. Лишение стипендии, перевод в ЛИФЛИ, приведенный выше разговор — звенья, очевидно, одной цепи.

На новой должности Георгий Никитич работал старательно, сколь-нибудь серьезных претензий к нему ни у меня, ни у других монголистов не было. Впервые Георгий Никитич получил постоянную работу по специальности и почувствовал себя обеспеченным человеком (в те годы жизнь была трудной, существовала картонная система).

Для учебных целей крайне необходим был словарь современного монгольского языка. Долго мы думали, как эту проблему решить. В конце концов поручили составление словаря Г. Н. Румянцеву и К. М. Черемисову¹, людям, получавшим в институте зарплату (первый из них, как уже говорилось, был лаборантом, а второй занимался типографскими <46> заказами Ленинградского восточного института в течение ряда лет).

Работа у авторов продвигалась медленнее, чем нам хотелось бы, но все же была сделана. Поскольку К. М. Черемисов занимался типографскими делами, он настойчиво продвигал словарь в типографии. По этой или какой другой причине К. М. Черемисов решил, что он является главной фигурой и объявил себя единственным автором словаря. Г. Н. Румянцеву же просто выразил благодарность за работу над определенными буквами (буквы были точно перечислены в предисловии). Тихий, скромный, покладистый Георгий Никитич запротестовал на сей раз, на обложке и титульном листе появилась и его фамилия, правда, после К. М. Черемисова.

В 1935 г. я уехал в Монголию. Возвратившись в Советский Союз, осел в Москве. В Ленинград не поехал, узнав, что наш институт сливают с Московским институтом востоковедения. Для меня ясно было, что объединенный институт

будет в Москве². А вскоре разразилась война. Георгий Никитич в это время был в Улан-Удэ, а я на фронте.

Снова встретились вскоре после войны. Это была, кажется, первая послевоенная командировка Георгия Никитича в центр. О его выезде сообщила мне Бальджит. Ее телеграмма была для меня большой неожиданностью. Еще в Монголии из письма А. В. Бурдукова я узнал, что Георгий Никитич разошелся с Бальджит, а тут они опять оказались вместе.

Потом выяснилось, что во время войны новая семья Георгия Никитича погибла, он некоторое время оставался холостяком. Бальджит в это время была в Улан-Удэ. Друзья ее и Георгия Никитича старались всеми мерами восстановить их былые связи. Устроили так, что им дали комнаты в одной квартире. Семья постепенно восстановилась, Георгий Никитич, Бальджит и их дочь Наташа жили под одной кровлей. <47> Но такая жизнь продолжалась сравнительно не очень долго, тяжелая болезнь сразила Бальджит.

Когда я приехал в 1935 г. в Улан-Удэ, Георгий Никитич жил вдвоем с Наташей, которая исполняла обязанности хозяйки дома. Какое могло быть хозяйство у вдовца и дочери-студентки? Молодая хозяйка чувствовала неловкость. Хозяйничающая Наташа, которую, как мне казалось, я совсем недавно видел в пеленках, являла собой трогательную картину.

Возможно, впрочем, что хозяйничающую Наташу я видел в 1955 г., когда мы чествовали Д. Банзарова³. Мы ехали в Улан-Удэ с готовыми докладами, а у Георгия Никитича доклада не было. Порывался писать его в Москве, ничего не получилось. Брался за работу в поезде, рвал одну страницу за другой. Началась сессия, доклада нет. Собрались на последнее заседание,

¹ Константин Михайлович Черемисов (1899–1982) — востоковед, специалист в области монгольского, маньчжурского и тибетского языков [Милибанд, 2008. Кн. 2. С. 612]. Составил Монгольско-русский словарь (по современной прессе) совместно с Г. Н. Румянцевым (Л., 1937).

² Весной 1938 г. в ответ на письмо исполняющего обязанности директора ЛВИ А. В. Башкирова в Ученый комитет о нечеткости профиля выпускаемых ЛВИ специалистов, последовал новый проект реорганизации ЛВИ и МИВ. Результатом которого явилось их объединение и организация Института Востоковедения в Москве [Кононов, Иориш, 1977. С.90].

³ Доржи Банзаров (1822–1855) — бурятский ученый, монголовед. В 1955 г. состоялась научная сессия, посвященная 100-летию со дня смерти Д. Банзарова.

явился Георгий Никитич и сделал хороший доклад¹.

Видимо, он имел обыкновение долго вынашивать свои работы. Об этом свидетельствует и история со сборником памяти Б. Я. Владимирцова², когда нам тоже пришлось ждать его статью.

Улан-Удэ многим обязан Г. Н. Румянцеву. Хорошие личные качества, общая эрудиция, школа Б. Я. Владимирцова — все это вместе взятое делало его очень полезным для Бурятии человеком. Георгий Никитич много сделал для развития бурятской науки. Он много писал, осуществил ряд ценных публикаций, вел большую научно-организационную работу, преподавал одно время в Пединституте им. Д. Банзарова.

Были у Георгия Никитича, понятно, и неприятности. Как-то он мне рассказывал, что ему «пришивали» все «измы», какие были модными в 1940-х и начале 1950-х годов. Немало ему пришлось пережить и в пору гонения на Гэсэриаду³. С теми, кто считал это произведение <48> народным, расправлялись беспощадно. Л. Элиасова⁴ уволили с работы и исключили из партии. А Уланов⁵ вынужден был покинуть пределы республики. Сначала он работал в соседней области, но и там он оказался в сфере досягаемости гонителей Гэсэра. Пришлось перебираться из Читы в Таджикистан.

Не очень уверенно чувствовал себя и Г. Н. Румянцев. Он тоже ждал репрессий. Од-

нако поддержку он обрел там, где, казалось бы, на нее рассчитывать нельзя. Его приглашали в местный орган госбезопасности, долго беседовали, а в заключение рекомендовали держаться стойко, пообещав поддержку.

В Улан-Удэ Г. Н. Румянцева многие ценили. Нынешний Институт народов Азии АН СССР решил оживить совсем захиревшую у нас тибетологию [тибетологию]. Предложили кандидатуру Г. Н. Румянцева (мы с ним в 1920-х годах занимались тибетским языком с Ф. И. Щербатским⁶ и А. Драгуновым⁷). Он соглашался перебраться в Москву (у него в то время были какие-то нелады с тогдашним директором бурятского института Ц. Б. Цыдендамбаевым⁸). Зная, что Георгий Никитич занимает в Улан-Удэ ответственный пост, я поинтересовался, не будет ли он ущемлен материально. Он меня на сей счет успокоил.

Узнали об этих переговорах в Улан-Удэ.

— Не забирайте у нас Георгия Никитича, — взмолился Л. Элиасов. И избавила Улан-Удэ от потери тогда чистая случайность. Г. Н. Румянцев и К. М. Черемисов одновременно оказались в Москве, вместе жили в гостинице «Якорь», принадлежащий Академии наук СССР. Однажды в наш институт поступила жалоба, что востоковеды, командированные к нам, ведут себя неподобающим образом. Были названы фамилии Румянцева и Черемисова.

Георгий Никитич ничего, собственно, предосудительного не совершил. Его попросили освободить номер. Уходя из гостиницы, он <49> оставил свой чемодан и предупредил администратора, что найдет пристанище, заберет вещи и расплатится за номер. Администрация почему-то решила, что Георгий Никитич хочет сбежать, не расплатившись с гостиницей.

К. М. Черемисов любил выпить, и в тот день волок в нетрезвом состоянии по коридору го-

¹ Доклад назывался: «О «черной вере» или шаманстве у монголов» Доржи Банзарова // К столетию со дня смерти Доржи Банзарова. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1955.

² «Труды Б. Я. Владимирцова по истории монголов» // Филология и история монгольских народов. Памяти академика Б. Я. Владимирцова, М.: «Восточная литература», 1958.

³ В архиве Н. П. Шастиной сохранился отчет за I квартал 1953 г. и записи, сделанные ею во время конференции (2–4 февраля 1953 г.), посвященной бурят-монгольскому эпосу Гэсэр. Конференция проходила в «живом ключе», разгорались громкие дебаты между докладчиком и участниками по различным вопросам. Нина Павловна в своих записях выражала свою солидарность или не согласие с оратором. Архивный фонд Н. П. Шастиной в настоящее время находится в работе (идет составление описи). Данные материалы будут размещены в разделе деятельность.

⁴ Лазарь Ефимович Элиасов (1914–1976) — фольклорист, общественный деятель.

⁵ Алексей Ильич Уланов (1909–2000) — фольклорист, переводчик, поэт.

⁶ Ф. И. Щербатской (1866–1942) — крупнейший российский санскритолог, основоположник отечественной буддологической школы и школы тибетологии [Милибанд, 2008. Кн. 2. С.690–692].

⁷ Александр Александрович Драгунов (1900–1955) — филолог-востоковед, специалист в области китайского и тибетского языков [Милибанд, 2008. Кн. 1. С.441].

⁸ Ц. Б. Цыдендамбаев (1915–1983) — ученый, специалист в области изучения бурятского языка, доктор филологических наук.

стиницы какую-то женщину. Иными словами, учинил самый настоящий скандал. Невинному досталось больше, виноватый вышел почти сухим из воды в том смысле, что зачислен в институт был К. М. Черемисов, а не Г. Н. Румянцев.

Показателем доброго отношения к Георгию Никитичу может служить и тот юбилей, который проходил в день его шестидесятилетия в Бурятском комплексном институте. И я отправил в Улан-Удэ послание, содержащее добрые пожелания, изложенные в несколько шуточной форме. Послание это произвело впечатление. Георгий Никитич после интересовался, когда будет мой такой же юбилей. Видимо, собирался поздравить, но не дожидая двух лет с небольшим.

А какую озабоченность вызвала болезнь Георгия Никитича у его подчиненных. А. Молчанов, мой аспирант, командированный Бурятским комплексным институтом, серьезно опасался за судьбу сектора зарубежного Востока. Он не видел лица, подходящего для должности заведующего сектором. Опасения А. Молчанова были вполне основательными, человека, равного Георгию Никитичу, руководству Бурятского филиала АН СССР трудно найти.

О том, как товарищи Георгия Никитича старались ему помогать, говорилось выше. К сказанному можно добавить, что в Москву они его привезли буквально насильно. По собственному признанию Георгия Никитича, он покидал Улан-Удэ без большой охоты, хотя прежде в этом отношении он был легким на подъем.

Приехал в Москву он довольно слабым. Днем ходил по врачам, а вечером отдыхал. Жизненных сил у него оставалось, видимо, <50> совсем мало. Даже посещение врачей давалось ему с трудом, а пойти еще куда-нибудь, он и не думал.

— Завтра опять приезжать в Москву, — сказал мне как-то Георгий Никитич.

— Зачем же? Вам надо отдыхать.

— Требуется еще один анализ.

— Почему же не сделали сегодня?

— Не хотят утомлять.

— А поездки в Москву не утомляют?

Дело в том, что Г. Н. Румянцев на этот раз остановился у родственников жены, живших

под Москвой, ездить к врачам поэтому ему было трудно.

Умер Георгий Никитич, как солдат на посту. Е. Мальцева¹ рассказывала, что после своей последней поездки в Москву Г. Н. Румянцев каждый день приходил на службу, интересовался институтскими и секторскими делами.

А от Л. Элиасова я узнал следующее. Георгий Никитич не понимал серьезности своего положения, надеялся на излечение. Перед тем как Георгий Никитич лег на операцию, Л. Элиасов добыл коровий язык, маленькое пристрастие покойного.

— Он же не мог глотать твердое, — заметил я.

— Ему приготовили немного молотого языка.

Далее Л. Элиасов передал слова Г. Н. Румянцева.

— «Вернусь из больницы», — говорил Георгий Никитич, — выпьем и закусим.

Неделю он пролежал в больнице, там ему вставили какую-то трубку, чтобы кормить, миную пищевод, и выписали домой. Но сделали операцию, по-видимому, поздно, когда жизненных сил у него не оставалось. Быть может, операция даже отняла значительную остатка этих сил. Дома он пролежал сутки, сохраняя до последней минуты сознание. <51>

Память о Г. Н. Румянцеве в Бурятии еще жива. В ноябре 1967 г. мы встретились в Элисте с А. И. Улановым.

— Вспоминаете Георгия Никитича? — спросил я.

— А как же, перед праздниками состоялось заседание, на котором обсуждался вопрос об оказании помощи его семье. Решено было выдать месячный оклад покойного.

После Г. Н. Румянцева осталось большое литературное наследие, состоящее из работ разной готовности. Сейчас в Улан-Удэ принимаются меры к публикации трудов Георгия Никитича.

19/ХІІ-1967 г.

Г. Михайлов

¹ Е. В. Мальцева — востоковед, специалист по китайскому языку и литературе, коллега Г. Н. Румянцева по работе в Институте общественных наук Бурятского филиала СО АН СССР. В приложении к книге, посвященной Г. Н. Румянцеву, есть две фотографии сотрудников института, среди которых есть Е. В. Мальцева [Чимитдоржиев, Лысыкова, 2003. С.67, 68].

Использованная литература

Алпатов, 1994: Алпатов В. М. Советское востоковедение в оценках Н. Поппе // *Mongolica-III. Из архивов отечественных монголоведов XIX — начала XX вв.* СПб.: Фарн, 1994.

Alpatov V. M. Sovetskoe vostokovedenie v otsenkakh N. Poppe [Soviet Oriental studies in N. Poppe's estimations]. *Mongolica-III. Iz arkhivov otechestvennykh mongolovedov XIX — nachala XX vv.* [Mongolica-III. From the archives of Russian Mongolists of the 19th — early 20th centuries]. St. Petersburg: Farn Publ., 1994.

Кононов, Иориш, 1977: Кононов А. Н., Иориш И. И. Ленинградский восточный институт. М.: Наука, 1977.

Kononov A. N., Iorish I. I. *Leningradskii vostochnyi institut* [Leningrad Oriental Institute]. Moscow: Nauka Publ., 1977.

Милибанд, 2008: Милибанд С. Д. Востоковеды России XX — начало XXI века. Библиографический словарь. Кн. 1; 2. М.: Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 2008.

Miliband S. D. *Vostokovedy Rossii XX — nachala XXI veka. Bibliograficheskii slovar'.* Kniga 1; 2 [Orientalists of Russia of the 20th — the beginning of the 21st century. Bibliographic dictionary]. Vols. 1, 2. Moscow: Publishing Firm "Vostochnaia literatura" of the Russian Academy of Sciences, 2008.

Попова, 2021: Попова И. Ф. Санкт-Петербургская школа классического монголоведения.

Popova I. F. *Sankt-Peterburgskaia shkola klassicheskogo mongolovedeniia* [St. Petersburg School of Classical Mongolian Studies]. <https://historyrussia.org/sobytiya/mnogo-letnie-traditsii-bogatejshij-opyt-sankt-peterburgskaya-shkola-klassicheskogo-mongolovedeniya.html> (дата обращения: 1 марта 2022).

Пучковский, 1953: Пучковский Л. С. Монгольская феодальная историография XIII–XVII вв. // Ученые записки Института востоковедения. Т. VI. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 131–166.

Puchkovskii L. S. *Mongol'skaia feodalnaia istoriografiia XIII–XVII vv.* [Mongolian feudal historiography of the 13th–17th centuries]. *Uchenye zapiski Instituta vostokovedeniia*. [Scientific Notes of the Institute of Oriental Studies of the Academy of Sciences]. Vol. VI. Moscow; Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1953. P. 131–166.

Чимитдоржиев, Лыскокова, 2003: Чимитдоржиев Ш. Б., Лыскокова В. Ц. Георгий Никитич Румянцев — ученый-востоковед. Очерки. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2003.

Chimitdorzhiev Sh. B., Lyksokova V. Ts. *Georgii Nikitich Rumiantsev — uchenyi-vostokoved. Ocherki* [Georgy Nikitich Rumyantsev — Orientalist scientist. Essays]. Ulan-Ude: Publishing House of the Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 2003.

A HISTORY OF MONGOLIAN STUDIES IN RUSSIA: FROM THE MEMOIRS OF G. I. MIKHAYLOV (1909–1986)

Svetlana S. SABRUKOVA

Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences

The article is dedicated to the recollections of G. I. Mikhaylov — a 20th c. prominent Russian researcher of Mongolia in which he remembers his teachers and colleagues — B. Ya. Vladimirtsov, G. E. Grum-Grshimailo, A. V. Burdukov, S. A. Kozin, N. N. Poppe and G. N. Rumyantsev and which were discovered in the private collection of N. P. Shastina now kept in the Archives of Orientalists at the Institute of Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Science. G. I. Mikhailov called his memoirs 'notebooks about the distinguished Russian orientalists', in them he was also describing the details of his life at that time, his personal opinions and views on various events taking place in the life of his 'characters'. The memoirs cover the period of more than forty years — from 1926 till 1967. They are written in a vivid captivating language with the use of dialogue.

Key words: B. Ya. Vladimirtsov, G. E. Grum-Grshimailo, A. V. Burdukov, S. A. Kozin, N. N. Poppe, G. N. Rumyantsev.

About the author: **Svetlana S. SABRUKOVA**, Cand. Sc. (Philology), Junior Researcher, Department of Manuscripts and Documents, Institute of the Oriental Manuscripts of the Russian Academy of Sciences (Dvortsovaya Emb. 18, St. Petersburg, 191186, Russia), ORCID 0000-0001-7983-4291 (ssabrukova@yandex.ru).